

18 СЕН 1986

ИЗВЕСТИЯ
г. Москва

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Скоро выйдет на экраны новый фильм Вадима Абдрашитова по сценарию Александра Миндадзе «Плюмбум, или Опасная игра». Более десяти лет сотрудничества, шестая картина. Сделаны фильмы «Слово для защиты», «Поворот», «Охота на лис», «Остановился поезд», «Парад планет»...

Личность человека. Личность руководителя. Личность художника. К этому, по сути, сводится сегодня смысл едва ли не всех дискуссий о делах общественных, о положении в искусстве, в том числе кинематографическом. Поэтому показало важным побеседовать именно с этими людьми, все последние годы, не идя на компромиссы, не играя «в поддавки» со зрителем, честно и серьезно делавшими свое дело в искусстве.

**Вадим АБДРАШИТОВ,
Александр МИНДАДЗЕ:**

«РАССКАЗАТЬ О ЧЕЛОВЕКЕ, О ВРЕМЕНИ»

А. М.: Конечно, у нас много общего: жизненные принципы, мировоззрение, желание сказать о времени, о человеке во времени.

В. А.: А разногласия, если и возникают, то, так сказать, тактического порядка. Мы договариваемся о главном — о чем фильм и ради чего. А когда цель определена, о средствах, о частностях всегда можно договориться.

А. М.: Технически же наша работа выглядит так — допустим, у меня возник замысел, идея, я ее излагаю в сценарии, в свободной литературной форме. И тогда мы начинаем работать вместе. Каждый фильм имеет свой «сюжет работы». Бывает, окончательный вариант не имеет ничего общего с первым, часто между ними колоссальное расстояние.

Вообще у сценария, этой особой, самостоятельной литературной формы, свои противоречия, своя специфика — специфика соединения кино и литературы. В частности — некая условность сценарной записи: одна фраза сценария может вырасти в фильме в целую сцену. Многие решают здесь натура на съемках. Случается, что актер силой своей индивидуальности преобразует роль, и тогда тоже происходит некоторая трансформация текста сценария. Пример? Работа Олега Борисова в роли следователя Ермакова в фильме «Остановился поезд».

В. А.: Очень важно найти единомышленников в группе. Нам, например, повезло с художником-постановщиком Александром Толкачевым: он умеет

отказываться от уже наработанного, привычного...

Каждый фильм Абдрашитова и Миндадзе был в чем-то новым и для самих авторов. От картины к картине шли они по пути усложнения — углубления замысла, философского осмысления явлений, по пути поисков образной выразительности. Сложность их фильмов в том, что сюжет в них все более вырастает в ситуацию — поворотную, кульминационную в духовной биографии героев, когда происходит проверка характеров и жизненных позиций, ломка стереотипов существования и самоощущения.

А. М.: Я не стал бы говорить о едином поколении сорокалетних в киноискусстве. Есть отдельные творческие группы, люди с общими художественными пристрастиями. Что касается наших картин, то мы, как мне думается, идем по вполне традиционному руслу — стремимся рассказать о человеке, задавшись вопросами своего времени и вопросами вечными, общими к себе и к сегодняшнему дню. Наш внутренний нравственный ориентир — великая отечественная литература, озабоченная непраздным кругом вопросов: кто я, ради чего живу? Вопросов совести, поступка, выбора, вины...

В. А.: Мы никогда не ставили перед собой чисто формальных целей. Я, например, стараюсь средствами киноязыка максимально сохранить и выявить круг идей, заложенных в сценарии.

А. М.: Сейчас, как мне кажется, искусству требуется более сконцентрированная, «сгущенная» форма реализма. Требуется больше «приема», игры. Жизнеподобия, узнаваемости — уже мало. Потому нельзя сказать, что вот в наших с Вадимом фильмах был «чистый реализм», а затем «взлет» в условность. Поиски в области формы идут прежде всего от желания «вскрыть» реальность более энергичным способом.

За каждым из фильмов Абдрашитова и Миндадзе — четкая жизненная позиция, социальная зоркость авторов, их

Их первые фильмы стали серьезной заявкой, вызвали интерес зрителей, критики. Открытием стала «Охота на лис» (1980 г.), ее новый, необычный герой — человек с «проснувшимся» сознанием, обострившимся чувством совести, чувством социальным. Через его характер авторы выходили к важнейшей и, по существу, главной для себя теме. К утверждению необходимости ответственности человека за все, что происходит с ним, нетерпимости к бездушию и бездуховности.

Единство темы в фильмах Абдрашитова и Миндадзе рождено единством, цельностью их творческой и этической программы. Но не будем забывать, что в создании каждого фильма от начала и до конца участвуют двое...

час, сегодня? Это и покажет в реальности, кто чего стоит.

А. М.: В искусстве нет вопроса «можно — нельзя». Дело не в том, что, мол, поступило указание: давай, говори всю правду! Люди мужественные, мыслящие всегда честно думали, искренне, глубоко чувствовали. И, несмотря ни на что, выражали это в искусстве. К сожалению, в том, что пишется, ставится сегодня, — в кино, театре, литературе, — подчас мал, так сказать, удельный вес содержательности. Нет того, что могло бы удивить принципиально. Иногда мы еще добираем остатки движения «вширь», по поверхности, по географии «белых пятен», рассказывая о каких-то мало затронутых в искусстве темах, пластах жизни, людях. А то и просто прикрываемся ловким профессионализмом, за которым скрыта вторичность, хотя и облеченная порой в довольно живую материю...

Абдрашитов и Миндадзе — приверженцы самого необходимого зрителю, самого острого жанра социальной драмы. Жанра из «трудных», требующего активной ответной работы зрителя. Кого авторы выдают в зрителе — оппонента, которого нужно убедить, доказать ему что-то, или единомышленника?

В. А.: Скорее второе. Есть режиссеры, озабоченные одной лишь проблемой — собрать побольше зрителей. Но мы считаем, что, если из девяти миллионов посмотревших, например, «Остановился поезд», половину он заставил задуматься, — для начала это уже хорошо. Спросит средства, кино должно приносить доход. Но ориентироваться только на спрос — на мой взгляд, нельзя. Каков же выход? Кино само по себе — симбиоз искусства и производства, творчества и проката... Разумеется, 50 миллионов зрителей, посмотревших фильм, лучше, чем 10. Коммерческий успех должен быть, «кассовый» кинематограф — тоже. Но ведь есть, и я убежден, должны быть так называемые «некассовые» фильмы. У них тоже свой

верный зритель. Но как их планировать, запускать? Как привлечь широкую публику?

В конечном итоге спрос на картину, интерес к ней во многом зависят от того, как организованы ее прокат, реклама в печати, на радио и телевидении. У наших картин, например, была сложная прокатная судьба. Первым экраном прошел, причем совершенно неожиданно для нас, только «Остановился поезд». И то лишь в Москве, в иных городах его вообще не показывали: зрителю такой фильм не нужен, решил кто-то на местах. Более или менее благополучно прошли «Слово для защиты» (25 миллионов зрителей) и «Поворот», их даже демонстрировало ТВ. И — все. Мы же надеемся, что покажут по телевидению и другие наши фильмы. К примеру, «Охоту на лис» — он как раз о сегодняшней перестройке, перестройке человеческого сознания, человеческой личности, о необходимости конкретизации смысла своего духовного существования...

Фильмы Абдрашитова и Миндадзе пока не делали коммерческого «бума». Но во все не потому, что они сложны для «неподготовленного» зрителя. Речь здесь может идти не о пресловутой «эстетической неподготовленности» — о нежелании, непривычке иных людей обременять душу и ум вопросами, которые, кстати, вовсе не искусством выдаваны и поставлены — они поставлены самой жизнью. Конечно, нельзя не учитывать, что многие люди идут в кино отдохнуть, посмеяться или слегка всплакнуть над нехитрыми или, наоборот, запутанными перипетиями сюжета, над знакомыми, узнаваемыми героями. Но при этом надо признать не просто возможность — необходимость принципиально иного способа общения со зрителем, общения, требующего от зрителя размышления и соучастия.

Мы часто и уже привычно говорим о том, что от искусства в первую очередь ждешь потрясения. Но почему-то понимая его только как эмоциональное. Брехт писал, что переживать в зрительном зале может и, скажем так, не очень умный человек, искусство же должно обращаться к разуму, должно учить принимать решения. Должно вырабатывать в человеке нравственную позицию и, не «заигрывая» с ним, не «заманивая» его, стремиться образовать его душу. Видеть в нем достойного и мыслящего собеседника и не искать компро-

мисса между уровнем поднимаемых проблем и способами их художественного «оформления».

И вот новая картина Абдрашитова и Миндадзе. О мальчишке-подростке, добровольном помощнике в отряде дружинников, взявшемся яростно и упорно очищать от преступности свой город: первоначально сценарий назывался «Санитар».

...Ваш взгляд остановит лицо мальчишки, подростка. Лицо полузрелого-полуробенка с темными, словно заволакивающими, недетскими глазами. Настоящая находка режиссера — московский школьник Антон Андросов, с поразительно осмысленной артистичностью исполняющий роль Плюмбума (школьная кличка, прозвище десятиклассника Руслана): пластика маленького робота, пальто и огромный портфель маленького чиновника, лишенный живых ноток голос... «Полудетективный» жанр, заявленный с первых же кадров, взрывается — ожидаемой историей о юном герое, отважно борющемся со злом, не будет. Все сместилось, фильм ни в какие схемы не укладывается.

«Трудный» подросток? Наоборот, отличник, общественник, благополучная семья с шутливо-интеллигентной манерой общения и ежевечерними чаепитиями у телевизора. Странный мальчик? Лишь постольку, поскольку безоговорочно принимает за истину то, что всегда как истина ему и преподносилось. Взявшийся на себя миссию противостоять злу, не имея еще собственного опыта, выстрадавшего опыта — опыта бед, сочувствия, любви и милосердия. Его игра в жизнь опасна, потому что нельзя использовать что-то доверие, потому что страшна власть над человеком прежде всего для того, кто этой властью обладает...

В. А.: Мы привыкли только удивляться, возмущаться — откуда у молодежи, у подростков нравственные изъязы, тем самым как бы снимая вину с общества, с самих себя. Не надо спешить судить подрастающее поколение. Надо понять: пока не решим вопрос — как сами живем, какие мы, старшие, — не разберемся и с ними.

Так режиссер и кинодраматург вновь возвращаются и возвращают нас в своем новом фильме к теме ответственности. К вопросу о человечес-

Скоро выйдет на экраны новый фильм Вадима Абдрашито-ва по сценарию Александра Миндадзе «Плюмбум, или Опасная игра». Более десяти лет сотрудничества, шестая картина. Сделаны фильмы «Слово для защиты», «Поворот», «Охота на лис», «Остановился поезд», «Парад планет»...

Личность человека. Личность руководителя. Личность художника. К этому, по сути, сводится сегодня смысл едва ли не всех дискуссий о делах общественных, о положении в искусстве, в том числе кинематографическом. Поэтому показалось важным побеседовать именно с этими людьми, все последние годы, не идя на компромиссы, не играя «в поддавки» со зрителем, честно и серьезно делавшими свое дело в искусстве.

**Вадим АБДРАШИТОВ,
Александр МИНДАДЗЕ:**

«РАССКАЗАТЬ О ЧЕЛОВЕКЕ, О ВРЕМЕНИ»

А. М.: Конечно, у нас много общего: жизненные принципы, мировоззрение, желание сказать о времени, о человеке во времени.

В. А.: А разногласия, если и возникают, то, так сказать, тактического порядка. Мы договариваемся о главном — о чем фильм и ради чего. А когда цель определена, о средствах, о частностях всегда можно договориться.

А. М.: Технически же наша работа выглядит так — допустим, у меня возник замысел, идея, я ее излагаю в сценарии, в свободной литературной форме. И тогда мы начинаем работать вместе. Каждый фильм имеет свой «сюжет работы». Бывает, окончательный вариант не имеет ничего общего с первым, часто между ними колоссальное расхождение.

Вообще у сценария, этой особой, самостоятельной литературной формы, свои противоречия, своя специфика — специфика соединения кино и литературы.

В. А.: В частности — некая условность сценарной записи: одна фраза сценария может вырасти в фильме в целую сцену. Многие решают здесь натура на съемках. Случается, что актер силой своей индивидуальности преобразует роль, и тогда тоже происходит некоторая трансформация текста сценария. Пример? Работа Олега Борисова в роли следователя Ермакова в фильме «Остановился поезд».

В. А.: Очень важно найти единомышленников в группе. Нам, например, повезло с художником-постановщиком Александром Толкачевым: он умеет

отказываться от уже наработанного, привычного...

Каждый фильм Абдрашито-ва и Миндадзе был в чем-то новым и для самих авторов. От картины к картине шли они по пути усложнения — углубления замысла, философского осмысления явлений, по пути поисков образной выразительности. Сложность их фильмов в том, что сюжет в них все более вырастает в ситуацию — поворотную, кульминационную в духовной биографии героев, когда происходит проверка характеров и жизненных позиций, ломка стереотипов существования и самоощущения. На первый план активно выдвигается мысль, вопрос, обращенный авторами в равной мере и к самим себе, и к героям, и к нам, зрителям.

В. А.: Мы никогда не ставили перед собой чисто формальных целей. Я, например, стараюсь средствами киноязыка максимально сохранить и выявить круг идей, заложенных в сценарии.

А. М.: Сейчас, как мне кажется, искусству требуется более сконцентрированная, «сгущенная» форма реализма. Требуется больше «приема», игры. Жизнеподобия, узнаваемости — уже мало. Потому нельзя сказать, что вот в наших с Вадимом фильмах был «чистый реализм», а затем «взлет» в условность. Поиски в области формы идут прежде всего от желания «вскрыть» реальность более энергичным способом.

За каждым из фильмов Абдрашито-ва и Миндадзе — четкая жизненная позиция, социальная зоркость авторов, их

Их первые фильмы стали серьезной заявкой, вызвали интерес зрителей, критики. Открытием стала «Охота на лис» (1980 г.), ее новый, необычный герой — человек с «проснувшимся» сознанием, обострившимся чувством совести, чувством социальным. Через его характер авторы выходили к важнейшей и, по существу, главной для себя теме. К утверждению необходимости ответственности человека за все, что происходит с ним, нетерпимости к бездушию и бездуховности.

Единство темы в фильмах Абдрашито-ва и Миндадзе рождено единством, цельностью их творческой и этической программы. Но не будем забывать, что в создании каждого фильма от начала и до конца участвуют двое...

час, сегодня? Это и покажет в реальности, кто чего стоит.

А. М.: В искусстве нет вопроса «можно — нельзя». Дело не в том, что, мол, поступило указание: давай, говори всю правду! Люди мужественные, мыслящие всегда честно думали, искренне, глубоко чувствовали. И, несмотря ни на что, выражали это в искусстве. К сожалению, в том, что пишется, ставится сегодня, — в кино, театре, литературе, — подчас мал, так сказать, удельный вес содержательности. Нет того, что могло бы удивить принципиально. Иногда мы еще добираем остатки движения «вширь», по поверхности, по географии «белых пятен», рассказывая о каких-то мало затронутых в искусстве темах, пластах жизни, людях. А то и просто прикрываемся левым профессионализмом, за которым скрыта вторичность, хотя и облеченная порой в довольно живую материю...

Абдрашитов и Миндадзе — приверженцы самого необходимого зрителю, самого острого жанра социальной драмы. Жанра из «трудных», требующего активной ответной работы зрителя. Кого авторы видят в зрителе — оппонента, которого нужно убедить, доказать ему что-то, или единомышленника?

В. А.: Скорее второе. Есть режиссеры, озабоченные одной лишь проблемой — собрать побольше зрителей. Но мы считаем, что, если из девяти миллионов посмотревших, например, «Остановился поезд», половину он заставил задуматься, — для начала это уже хорошо. Спрос дает средства, кино должно приносить доход. Но ориентироваться только на спрос — на мой взгляд, нельзя. Каков же выход? Кино само по себе — симбиоз искусства и производства, творчества и проката... Разумеется, 50 миллионов зрителей, посмотревших фильм, лучше, чем 10. Коммерческий успех должен быть, «кассовый» кинематограф — тоже. Но ведь есть, и я убежден, должны быть так называемые «некассовые» фильмы. У них тоже свой

верный зритель. Но как их планировать, запускать? Как привлечь широкую публику?

В конечном итоге спрос на картину, интерес к ней во многом зависят от того, как организованы ее прокат, реклама в печати, на радио и телевидении. У наших картин, например, была сложная прокатная судьба. Первым экраном прошел, причем совершенно неожиданно для нас, только «Остановился поезд». И то лишь в Москве, в иных городах его вообще не показывали: зрителю такой фильм не нужен, решил кто-то на местах. Более или менее благополучно прошли «Слово для защиты» (25 миллионов зрителей) и «Поворот», их даже демонстрировало ТВ. И — все. Мы же надеемся, что покажут по телевидению и другие наши фильмы. К примеру, «Охоту на лис» — он как раз о сегодняшней перестройке, перестройке человеческого сознания, человеческой личности, о необходимости конкретизации смысла своего духовного существования...

Фильмы Абдрашито-ва и Миндадзе пока не делали коммерческого «бума». Но все не потому, что они сложны для «неподготовленного» зрителя. Речь здесь может идти не о пресловутой «эстетической неподготовленности» — о нежелании, неприязни к иным людям обременять душу и ум вопросами, которые, кстати, вовсе не искусством выдуманы и поставлены — они поставлены самой жизнью. Конечно, нельзя не учитывать, что многие люди идут в кино отдохнуть, посмеяться или слегка всплакнуть над нехитрыми или, наоборот, запутанными перипетиями сюжета, над знакомыми, узнаваемыми героями. Но при этом надо признать не просто возможность — необходимость принципиально иного способа общения со зрителем, общения, требующего от зрителя размышления и соучастия.

Мы часто и уже привычно говорим о том, что от искусства в первую очередь ждешь потрясения. Но почему-то понимая его только как эмоциональное. Брехт писал, что переживать в зрительном зале может и, скажем так, не очень умный человек, искусство же должно обращаться к разуму, должно учить принимать решения. Должно вырабатывать в человеке нравственную позицию и, не «заигрывая» с ним, не «заманивая» его, стремиться обманывать его душу. Видеть в нем достойного и мыслящего собеседника и не искать компро-

мисса между уровнем поднимаемых проблем и способами их художественного «оформления».

И вот новая картина Абдрашито-ва и Миндадзе. О мальчишке-подростке, добровольном помощнике в отряде дружинников, взявшемся яростно и упорно очищать от преступности свой город: первоначально сценарий назывался «Санитар».

...Ваш взгляд остановит лицо мальчишки, подростка. Лицо полувзрослого-полурбенка с темными, словно завораживающими, недетскими глазами. Настоящая находка режиссера — московский школьник Антон Андронов, с поразительно осмысленной артистичностью исполняющий роль Плюмбума (школьная кличка, прозвище девятиклассника Руслана): пластика маленького робота, пальто и огромный портфель маленького чиновника, лишенный живых ноток голос... «Полудетективный» жанр, заявленный с первых же кадров, взрывается — ожидаемой историей о юном герое, отважно борющемся со злом, не будет. Все сместилось, фильм ни в какие схемы не укладывается.

«Трудный» подросток? Наоборот, отличник, общественник, благополучная семья с шутливо-интеллигентной манерой общения и ежевечерними чаепитиями у телевизора. Странный мальчик? Лишь постольку, поскольку безоговорочно принимает за истину то, что всегда как истина ему и преподносилось. Взваливший на себя миссию противостоять злу, не имея еще собственного опыта — выстраданного опыта — опыта беды, сочувствия, любви и милосердия. Его игра в жизнь опасна, потому что нельзя использовать чье-то доверие, потому что страшна власть над человеком прежде всего для того, кто этой властью обладает...

В. А.: Мы привыкли только удивляться, возмущаться — откуда у молодежи, у подростков нравственные изыскания, тем самым как бы снимая вину с общества, с самих себя. Не надо спешить судить подрастающее поколение. Надо понять: пока не решим вопрос — как сами живем, какие мы, старшие, — не разберемся и с ними.

Так режиссер и кинодраматург вновь возвращаются и возвращают нас в своем новом фильме к теме ответственности. К вопросу о человечности.

Беседу вела
М. МУРЗИНА.